

МОЖЕТ ЛИ ЕЩЕ МОЛИТЬСЯ СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК*

Мне предложили тему: "Может ли еще молиться современный человек?", и об этом-то я и буду говорить, но несколько выйду за рамки самой темы.

Считает ли человек, что он молится или что не молится, думает ли он, что может молиться или что условия современности отняли у него эту способность – человек молится, разве что нам думается, что молитва присутствует лишь тогда, когда мы вежливой, складной речью выражаем свое отношение к Богу и к мировым вопросам, разве что мы забываем, что молитва вырывается из сердца и что всякий крик нашего существа есть молитва. Разумеется, мы не осознаем, что молимся все время и настойчиво; на самом же деле мы в каждый миг обращены всей устремленностью нашего существа, порывом (порой сломленным, когда наше сознание и наше сердце разделены), к каким-то целям, к каким-то желаниям. И я думаю, очень важно нам осознать, что предмет нашей молитвы и тот, к кому обращена эта молитва – не всегда Бог.

Когда мы обращаемся к Богу за помощью и одновременно всем существом желаем, чтобы эта помощь не пришла, чтобы путь искушения не закрылся перед нами; когда, подобно блаженному Августину, мы говорим: "Даруй мне целомудрие, но только еще не сейчас"; когда устами мы просим помощи Божией, а сердцем остаемся Ему чуждыми; когда мы желаем добра и вместе с тем всем существом надеемся, что успеем творить добро когда-нибудь позднее – все это свидетельствует не только о нашей внутренней разделенности, все это – молитва, которая не только не обращена к Богу, но обращена к князю мира сего и взывает: "Приди мне на помощь, поддержи меня на пути зла". Я думаю, что нам следует сознавать это гораздо более четко, чем мы это делаем, потому что это действительно так; и очень часто мы могли бы обращаться к Богу со словами: "Господи, прости!" гораздо более откровенно и честно, если бы сознавали, как часто мы обращаемся к врагу и просим его помощи! Я хотел бы дать вам пример из жизни, в котором есть, может быть, забавная сторона, – но и столь трагичная одновременно.

На протяжении лет пятнадцати я занимался одним бродягой, который то поселялся у меня, то уходил на все четыре стороны; то появлялся и говорил, что у него нет работы, а значит, и денег, то из наилучших побуждений приносил мне в подарок что-то совершенно мне ненужное. Однажды ему взбрело в голову прийти на Пасху в православный храм; он пришел, и вот что он потом рассказывал:

"Стою я в церкви и вижу, как вы выходите из алтаря лицом к толпе и, обращаясь к ней, произносите "Христос воскрес!" с воодушевлением, с убежденностью, которые меня изумили. Но тут я подумал: чего же удивляться, это его дело, ему за это деньги платят... Но тут толпа отвечает: "Воистину воскрес!" И мне подумалось: кричат старики, молодежи нет. Но оглядевшись, я вижу, что вокруг стоят молодые люди, которые от всего сердца, вдохновенно кричат: "Христос воскрес! Воистину воскрес!" Тут я почувствовал, что во мне что-то дрогнуло, – уж очень убедительна была эта молодежь. Но тут мне пришла мысль: если все это так, мне надо переменить жизнь!.. И тогда (продолжал он) я обернулся к дьяволу и сказал: "Ты мне столько раз помогал без всякой моей просьбы, когда мне не нужна была твоя помощь, – теперь-то помоги, на помощь, на помощь!" И с искренним, совершенно естественным возмущением он закончил: "Негодник! Он и не подумал отозваться!"

Так вот, он попался, он попал в плен Христу, потому что дьявол его предал. Он не знал, что дьявол обманщик по природе, что если чего-то хочешь, бесполезно обращаться к дьяволу. Но этот пример показывает резко, грубо состояние, которое все мы, каждый из нас может обнаружить в себе. Это зов, обращение каких-то наших глубин к темным силам, потому что порой вопреки нашим убеждениям, нашим стремлениям, нашей воле, голод и жажда нашего сердца и наших тел обращается к ним. Я настаиваю на этом, потому что нам не предлагается

* Пер. с франц. Орлеан, 1970. 1970-00-00-1-F-F-T-EM03-052CanModernManPray.rtf

выбор – молиться или не молиться; нам предлагается выбор – молиться Богу или с рабской мольбой, с протянутой рукой обратиться к князю мира сего, в надежде на подачку, которая будет обманна, потому что он всегда обманывает... Это мне кажется важно, потому что всю жизнь, постоянно, всегда нам придется разрешать эту ситуацию. И когда люди говорят: "Мы не можем больше молиться", на самом деле это означает, что мы не готовы служить ни Богу, ни дьяволу, мы ставим под вопрос и Того, и другого.

Теперь я хотел бы рассмотреть с вами вместе, во-первых, каким образом мы ставим Бога под вопрос, и затем – как Бог нас ставит под вопрос, почему мы бываем неспособны молиться Богу Живому, истинному Богу: ведь мы обращаемся не к истинному Богу.

Где же Бог в нашей современности? Мне часто доводится слышать: "Но как молиться Богу, когда Он явно равнодушен к человеческой трагедии, когда Его нет в ней, когда Он совершенно чужд ей? Как молиться Богу, Который укрылся в Своем небе и предоставляет человеку самому разбираться с ужасным Его даром, с дарованной Им нам свободой, за которую расплачиваемся мы, а Он как бы умыл руки?"

Поставим перед собой эту проблему и посмотрим, действительно ли Бог устранился или вина на нас, и мы не видим Его, мы не замечаем Его участие: оно совершенно особенного свойства, но оно полное, всецелое.

Для начала я хотел бы отослать вас к двум евангельским рассказам о буре на Генисаретском озере. Они построены в основном одинаково: ученики покинули один берег озера и направляются к другому. Ночью озеро охвачено бурей. Они борются со смертью, которая грозит им со всех сторон, которая силится сломить хрупкую безопасность их лодки. И наконец они оказываются лицом к лицу со своим отчаянием и с Божественным присутствием, которое они не умеют распознать. Таков общий план. Теперь что касается деталей: в первом рассказе мы видим их в лодке посреди бури; и в какой-то момент, когда силы их почти истощились, мужество покидает их, надежда колеблется, вдруг поверх бушующих волн, среди неукротимого ветра они видят, как Христос идет к ним – и не могут поверить, что это Христос. Им думается, что это призрак, и они вскрикивают от ужаса.

Почему они думают, что это призрак? Да просто потому, что они не могут представить, что Бог, Который есть Бог жизни, присутствует в сердцевице этой смертоносной стихии, окружающей их со всех сторон, что Бог, Который есть гармония и красота и покой, находится в самом центре разбушевавшейся природы. Они не могут поверить, что Бог – там, где они видят лишь смерть, смятение, опасность.

Не так ли мы поступаем каждый миг? Когда мы видим человеческие трагедии – личные, непосредственно нас касающиеся, или трагедии большего масштаба, охватывающие некую группу, которой мы принадлежим: нацию, народ – разве мы не поступаем именно так? Разве мы не ставим под вопрос самую возможность того, чтобы Бог присутствовал в сердцевице трагедии? Разве мы не говорим: "Господи, невозможно Тебе здесь быть, это призрак, это карикатура, это оскорбление Твоей святости и истинному Твоему присутствию; Тебя здесь нет; если бы Ты был здесь, то водворился бы мир, покой сошел бы, не было бы больше трагедии, не было бы больше проблемы... Не может быть, что Ты здесь!.."

Второй рассказ рисует нам происходящее несколько иначе, – вероятно, это другая буря. На этот раз ученики отплывают от берега не одни, Христос с ними. Бушует буря, и Христос, утомившись, засыпает на корме лодки. Он спит, положив голову на возглавие, подушку. Ученики в борьбе, они бьются с наступающей на них смертью, со смертью, окутывающей их отовсюду. Они борются за спасение своей жизни, отстаивают безопасность, укрытие, пусть хрупкое, обманчивое, какое представляет их лодка. И обессилев, теряя надежду, когда буря охватила их сердце, их душу, когда буря уже не вне их, но поколебала до глубин их самих, они обращаются ко Христу. И с чем же?

Они не обращаются к Нему с надеждой, которая превосходит их отчаяние, с уверенностью, что Он может в любой момент выправить любую ситуацию или придать смысл любой ситуации при всей ее трагичности; они обращаются к Нему с возмущением, с горечью: "Неужели Тебе дела нет, что мы гибнем?" Греческий текст жесток, груб; они будто обращаются

ко Христу со словами: Тебе безразлично, что мы сейчас погибнем!.. Они Его будят, тормозят Его. И даже не с мольбой, они не просят Его о помощи. Их слова означают: Тебе безразлично, Ты спишь, положив голову на подушку, Тебе-то хорошо, удобно, а мы гибнем. Так уж нет! Если Ты ничего не можешь поделать, хотя бы войди в нашу тревогу, подели наш ужас, умри с нами вместе сознательно!..

И Христос отстраняет их. Он встает, не принимая оскорбление, Он его отвергает: “Маловеры, долго ли Мне быть с вами?” И обратившись к расвирепевшему морю, к разбушевавшимся над озером ветрам, готовящим погибель, ко всей этой буре, которая остается вне Его, которая никаким образом не проникла в Него ни отчаянием, ни страхом, Он проливает на бурю Свое внутреннее спокойствие и приказывает водам улечься, ветрам утихнуть – и на озеро сходит покой.

Не это же ли самое мы переживаем по отношению к человеческим ситуациям? Сколько раз нам случалось в личной или семейной трагедии, перед лицом более обширных трагедий народов и стран, сказать: Бог-то в безопасности, Он на Своем небе, спит, поживает, смотрит, как мы сражаемся и бьемся, ждет момента, когда битва окончится, когда сокрушатся наши кости, когда будут сокрушены и наши души и наступит момент, когда Он будет нас судить – но до тех пор Он остается вне трагедии...

Возможно, если вы очень уж "благочестивы", вам не хватает мужества выразиться такими словами; возможно, что-то в вас нашептывает эти слова, и вы отбрасываете их силой воли; и тем не менее, в христианском мире сейчас непрерывно слышится: с Богом что-то не в порядке, что-то не так, есть требующая разрешения проблема... Вот только решаем мы проблему по примеру апостолов; мы говорим: “Это призрак! Он не может быть в сердцевине трагедии; Он – Господь мира, покоя, не может быть Господом бури...” Мы говорим: “Ему безразлично! Он наделил нас этой опасной, убийственной свободой, а расплата за это предстоит нам...”

Так вот, я хотел бы, чтобы вы немного подумали о том, какое место Христос – Бог во Христе – занимает в истории, будь то ограниченная история человеческой души, личной судьбы, семейной группы, или большая, необъятная История всего космоса, так сказать.

За две тысячи лет, а может, и больше, до рождения Христа был человек, который бился над проблемой Бога. Звали человека Иов; у него было сыновнее сердце, он не мог удовольствоваться благочестивыми увещаниями своих друзей, считавших, что "Бог всегда прав" и, следовательно, невозможно обвинять Его. Иов требовал, чтобы Бог предстал на скамье подсудимых, потому что не мог понять Его.

В какой-то момент, о чем говорится в книге Иова в конце девятой главы, он восклицает: Где тот, кто встанет между мною и Судьей моим, кто положит свою руку на Его плечо и на мое плечо? Где тот человек, который в этой встрече, в этом противостоянии, являющемся судом и смертью – смертью Бога, если человек Его осудит и отвергнет, смертью человека, если Бог его отвергнет и осудит – кто тот человек, который сделает этот смелый шаг, такой шаг, который поставит его в сердцевину ситуации, точку столкновения всех сил, точку наивысшей напряженности? Где тот, который встанет там и взглянет в лицо и обвинителю, и обвиняемому, кто будет защитником человека и оправдателем Бога? Где тот, кто будет не просто посредником, посланником, в равной мере безразличным к тому и другому, и попытается установить компромисс или соглашение между ними; нет, Тот, кто встанет на это место, чтобы их соединить – и готов будет дорого заплатить за это?

Иов чувствовал, что это неразрешимое напряжение между Богом, Каким Он виделся ему в переживаемой им трагедии, и Богом, Какой Он есть в реальности, не могло быть разрешено просто идеологической диалектикой, речами его друзей, которые объясняли ему, почему прав Бог. Когда друзья говорили ему: Ты, видно, согрешил! – он справедливо отвечал: Нет, я не грешил – не в том смысле, как мы говорим, будто никогда не делали зла, а: я никогда не отлучился от Бога, я никогда не отверг Бога, я никогда не восстал против Бога – почему Он ополчился на меня?.. Он не мог принять и того, как выступали за Бога его друзья, будто всемогущий Бог вправе поступать по Своему произволу. Нет, такого Бога он не мог принять,

потому что такого Бога нельзя уважать, Ему нельзя поклоняться с благоговением, Ему нельзя служить любящим сердцем.

Он еще не знал, что произойдет, но знал: что-то должно произойти, иначе эта тяжба – Бог перед судом человека и человек перед судом Бога – неразрешима.

Спустя несколько столетий произошло то, чего он ожидал, о чем мечтал помимо всякой надежды: Сын Божий стал Сыном Человеческим... Нашелся человек, – *Человек Иисус Христос*, как называет Его апостол Павел, Который вместе с тем был Богом Живым, Тем, в Ком полнота Божества была явлена, вошла в мир в человеческой плоти.

И затем Он сделал этот шаг: Он вступил в самую сердцевину ситуации, более того: Он Сам стал этой ситуацией, потому что в Нем Бог и человек оказались ЕДИНЫ, и трагедия, в которой лицом к лицу сошлись Бог и Иов, сгустилась в одной человеческой личности и в одном Божественном Лице: в Человеке, свободном от греха, но Который в акте полной, ничем не ограниченной солидарности с падшим человеком стал не только проклятым, осужденным, но *клятвой* (см. Гал 3: 13). Он встал перед Богом в полной солидарности с человеком – и от того умер. Он встал перед человеком в полной солидарности с Богом – и вместе с Богом Он был отвергнут, осужден умереть на Кресте... Вот место, какое занимает Господь.

И когда мы говорим об этих двух образах бури, точка, где в этой буре Господь, не точка "покоя", это точка, где сталкиваются, встречаются, противостоят все различные напряжения Истории, весь ужас взаимной ненависти, все то, что мы называем грехом, то есть последствия раздленности человека от Бога и человека от своего ближнего. Он в той точке, которую можно бы назвать центром циклона – не в месте покоя, а в месте равновесия, возникающего от максимального напряжения и столкновения. Да, наш Бог – не такой Бог, Который ушел на небо и ждет момента судить живых и мертвых; это Бог, Который стал солидарен с нами настолько, что это повергает в ужас.

Скажу еще одно об этой солидарности, потому что если мы не признаем этой солидарности, если не поймем, какое место Бог занимает по отношению к нам, Ему не оправдаться – Бог Он или нет, всемогущ или нет, мы не можем принести Ему нашу верность и уважение.

Изначально, с первого творческого акта Бог связал Свою судьбу с нашей: творческий акт, Божественное Слово, Слово, произнесенное Богом и из Которого появляются одна за другой, в новизне, в первой свежести, в изумленности, все Его твари, – это Слово создает отношение между Богом и человеком. И это отношение ответственное, это не просто Божественное действие, последствия которого вернутся к Богу лишь позднее. В духовном тексте русского средневековья описывается Предвечный Совет, предваривший Сотворение; вот как выражает свое видение этот великий духовный писатель. Отец, обращаясь к Сыну, говорит Ему: "Сын Мой, создадим человека по Нашему образу и подобию". – "Создадим его", – отвечает Сын. "Сын Мой, – продолжает Отец, – этот человек отвернется от Нас, впадет в грех, и чтобы восстановить в нем первоначальный образ, Тебе придется стать человеком и умереть с ним". – "Пусть будет так, Отче", – отвечает Сын. И Бог создал человека. .. Разумеется, этот текст – не Священное Писание, это образ, но он указывает нам нечто; он указывает, как Церковь в какой-то момент и на протяжении веков восприняла тот факт, что Бог не сотворил мир в момент безумия, ослепления, безответственности, а что Он несет полную ответственность за Свой акт.

И эта ответственность проступает все яснее и яснее на протяжении Истории. Уже в Ветхом Завете, в библейской истории мы видим непрерывно проявления этой незримой солидарности Бога с человеком: человек отворачивается от Бога, – Бог не отворачивается от человека; человек оказывается предателем – Бог остается верным; человек предается прелюбодейству – Бог остается верным: это все библейские образы.

И в наконец, когда пришла полнота времен, эта солидарность наиболее совершенно проявляется в Воплощении Сына Божия, Который становится Сыном Человеческим; и это не просто солидарность извне, будто с другом, она становится таким единством, что человек и Бог оказываются связанными одной судьбой, неразрывно. Можно было бы сказать, что Бог обретает бывание во времени и в пространстве и общую с человеком судьбу, и вместе с тем

человек в таинстве Воплощения превосходит, преодолевает время и пространство и уже вступает в тайну вечности, пришедшей в Лице Того, Кто есть Альфа и Омега, начало и конец всего.

Но задумаемся на миг о солидарности Христа. Как далеко она идет? Кого она обнимает? Кого она охватывает? Кем она овладевает, чтобы спасти его? Когда мы думаем о человечестве Христа, мы постоянно говорим: Да, Он уподобился нам, Он родился, рос, Он испытывал голод и жажду, Он уставал, Его окружала любовь и ненависть; Он отзывался радостью или горем – и в конечном итоге, Он умер... И нам порой кажется, что высшее проявление этой солидарности – Его смерть. На самом деле, эта предельная солидарность включает нечто еще большее.

Вы, наверное, помните, как апостол Павел нам говорит, что смерть – расплата за грех: грех как разделенность от Бога. Смерть – результат этой разделенности; никто не может умереть, если не познал эту разделенность. И предельная трагедия, высшая трагедия, благодаря которой мы можем благоговеть перед нашим Богом и уважать Его, в том, что ради того, чтобы разделить нашу судьбу, Он принял даже и это. Вспомните крик, который Он испустил на Кресте, самый трагичный вопль Истории: "Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?" В Нем как бы померкло сознание Его Божества, и в этом "метафизическом обмороке" Сын Человеческий разделяет ужасную судьбу человека, который потерял Бога и от этого умирает; Он остался без Бога...

Ту же мысль мы выражаем уже не словами Евангелия, а в терминах Апостольского Символа веры, когда говорим , что Христос "сошел в ад". Ад, о котором идет речь, не дантовское место мучений; это более ужасный ад Ветхого Завета, шеол, место, где Бога нет, место радикального Его отсутствия... Да, Христос потерял Бога из солидарности с человеком – и Он сходит туда, куда сходят все люди: в окончательную и полную пустоту разлученности. Он сходит туда как человек, но вместе со Своим человечеством вносит туда полноту Божественного присутствия; и ада, как его понимал древний Израиль, больше нет.

И тогда мы можем понять, что означает эта солидарность: Он согласился принять на Себя, подъять, усвоить Себе не только физическую смерть, но глубинную причину этой смерти, а именно, потерю Бога; можно было бы сказать, употребляя слово в его этимологическом значении, – атеизм, безбожие... Видите, как далеко идет эта солидарность: не только Бог соединяется с человеком, не только Он не делает различия между добрыми и злыми – теми, кого общество принимает и кого оно отбрасывает, – Он соглашается усвоить Себе сердцевину человеческого ужаса, отсутствие Бога, чтобы быть с нами в самой глубине этого отсутствия. Он не только в сердцевине Истории, Он в сердцевине клятвы... И слова, за сотни лет до того написанные автором псалмов: *Куда убегу от лица Твоего? На небесах престол Твой; в ад ли? но и там Ты еси...* для древних евреев звучали невозможностью, потому что для них шеол именно означал "место, где Бога нет" – как может Он быть там, где Его нет?.. И вот Он там: как Человек, Он принял отсутствие, как Бог, Он уничтожил это отсутствие.

В таком случае не кажется ли вам, что мы можем относиться к Богу не как к Тому, Который нас предал, оказался неверен, Богу, Которого невозможно уважать, а как к Богу, Которого мы можем уважать от всего сердца?

Но если мы хотим молиться Ему в исторической буре, будь то личной или всеобщей, мы должны присоединиться к Нему там, где Он есть; а то, что мы делаем, уже до нас пытались сделать апостолы: они пытались остаться в своей хрупкой ладье и не рисковать жизнью вне ее. То же самое делаем мы в нашей столь же хрупкой ладье – в Церкви; мы пытаемся остаться под ее защитой от бури и в лучшем случае призываем к себе тех, кого она закрутила, кого она сломила, и говорим: Идите к нам; если бы вы были с нами, вы не были бы в этом безумии разбушевавшейся стихии... Но человек прекрасно знает, что хрупкая церковная ладья – и я говорю не о Церкви с большой буквы, я говорю о наших жалких, духовно бедных человеческих общинах, – не является местом полноты Присутствия и победы... Пример тому, образ – слова Петра, когда он увидел, услышал, что Христос говорит: Это Я! – и отозвался: Если это Ты, повели, чтобы я пришел к Тебе по волнам – и пошел. И пока он думал лишь о Христе, к

Которому шел среди бушующих волн, он шел; когда он вспомнил о себе и об опасности смерти, он стал тонуть. Разве не точно так же мы относимся к Истории и к Богу?

Порой, да, мы делаем этот смелый шаг и выходим за пределы той хрупкой защищенности, на которую мы возложили надежду; а потом мы спохватываемся, что защиты нет, и забываем, что единственная защита – это Живой Бог, Который все держит в Своей руке.

Бог в сердцевине истории, Бог с каждым, кто страдает; Он глубже, чем кто-либо из нас, осознает страдание, потому что может измерить его глубину так, как мы не в состоянии ее измерить. И в таком случае, я думаю, Он вправе задать нам вопрос. Вы, наверное, помните конец книги Иова: когда Иов в итоге оказывается лицом к лицу с Богом, Бог не отвечает ему, Он не объясняет ему подробно Свое отношение к страданию, к смерти, к жизни, к тому, как разворачиваются человеческие трагедии. Бог поступает иначе: Он ставит Иова перед лицом всей тайны Творения и вопрошает: Где ты был, когда все это появилось Моим державным словом? Где была твоя мудрость? Где была твоя сила, где был твой разум? Как ты можешь теперь судить Меня, когда Тебя не было при начале Моих дел?..

Но Он говорит нам не только это; об этих Его словах можно было бы сказать, если проявить поменьше "благочестия", чем мы часто проявляем, что это отговорка, лазейка для Бога, один из доводов, которые может привести Бог и на что нам нечего возразить... Но Он ставит и другой вопрос: Где ты, обвиняющий Меня, стоишь в трагедии Истории? Ты Мне говоришь, что не можешь молиться, потому что Меня там нет; а ты? Ты-то где?

И теперь я скажу немного на тему заступничества – что оно подразумевает. Среди трагедии Истории мы обращаемся к Богу; случилась ли беда с нашим другом, или что-то касающееся непосредственно нас, или более общие события в пространстве и времени, порой мы оборачиваемся к Богу и говорим: "Господи, приди, помоги, помоги!"

Очень часто наше заступничество этим и ограничивается; если выразиться более жестко, сняв с нашей молитвы налет благочестия, мы просто сказали: "Господи, я заметил много неладного в том мире, который Ты создал, а Ты как будто не обращаешь на это никакого внимания; взгляни, Господи - в Индии голод, в Персии землетрясение; происходит революция, есть концентрационные лагеря, есть смерть, страдание, страх, насилие, жестокость: что Ты со всем этим делаешь?"

Разве не так мы часто поступаем, когда ходатайствуем за кого-то? Разве наше заступничество не сводится часто просто к тому, что мы призываем Бога и напоминаем Ему о том, что Он должен был бы сделать? Заступничество состоит не в этом; заступничество не состоит в том, чтобы напоминать Богу, что Он забыл Свои обязанности. Заступничество, предстательство на западных языках – например, по-французски *intercession* – происходит от латинского слова, которое значит сделать шаг, который приведет вас в центр ситуации: то, что я описал недавно в отношении Иова, что составляет суть Воплощения. Вот в чем заступничество; оно начинается с действия, а не с речей. Христос – Ходатай, Первосвященник всего мира именно потому, что, став человеком, Он явился Заступником, и изнутри этой ситуации может в чистоте Своего совершенного человечества и в силе Своего Божества, как Сын Человеческий и Сын Божий, вознести Свою молитву к Отцу.

Но когда молимся мы, не слышим ли мы в ответ, как передает Исайя в шестой главе своего пророчества, что Бог восседает на Своем престоле и говорит: *Кого Мне послать?..* Часто ли нам случалось, любому из нас, услышав, даже как бы издали, из глубин совести, словно шепот, голос Божий, – часто ли нам случалось ответить: *"Вот я, Господи, пошли меня!* Пошли меня в сердцевину этой ситуации; я войду туда, я встану там, я пойду и останусь там, пока она длится. Не столько, сколько хватит моего терпения, не до того момента, когда эта ситуация покажется мне слишком болезненной, – я останусь там до тех пор, пока обе стороны находится в ней, в солидарности, от которой я не отрекусь"

Часто ли с нами так было? Не очень-то! Разве что вы бесконечно более выдающиеся люди, чем те, кого я встречаю изо дня в день; я честно скажу от своего имени, как и от вашего: не часто... А тогда в чем же заключается наше заступничество? Где мы стоим? Теперь Бог мог бы задать нам вопрос: ты говоришь, что не можешь молиться, потому что не знаешь, где Я? Я –

в Гефсиманском саду; Я – там, где Меня прибивают ко Кресту; Я умираю, Я жажду; Я выпускаю вопль всей твари, которую ты, человек, в особенности – ты, христианин, предал: *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?* Я умираю на Кресте. А ты, – ты-то где?

Я хотел бы теперь дать вам пример, который одновременно иллюстрирует положение, какое мы должны бы занимать, чтобы быть в состоянии молиться, если хотим молиться, и заповедь, которую несет моя Церковь:

Когда мы думаем об апостолах, о святых, мы воображаем, что это были люди настолько исключительные, настолько глубоко отличные от нас; но обратимся к смутным годам чужестранного вторжения и гражданской войны в России. В небольшом провинциальном городке, который только что перешел из одних рук в другие, молодая женщина лет двадцати пяти с двумя маленькими детьми оказалась в ловушке: ее муж принадлежит к противоположному лагерю, она не сумела вовремя бежать, она скрывается, надеясь, что наступит момент, когда ослабнет внимание тех, кто ищет смерти ее и детей, и она сможет попытаться убежать. В страхе проходит день, за ним ночь, еще день; к вечеру второго дня дверь лачуги, где она прячется, открывается, и входит молодая женщина, соседка ее лет, простая, ничем не выдающаяся женщина из народа. Она спрашивает: “Вы такая-то?” И мать со страхом отвечает: “Да”. – “Вас обнаружили, сегодня ночью за вами придут, чтобы расстрелять, вам надо бежать”. Мать, глядя на детей, отвечает: “Куда я пойду? С детьми не убежишь, они не могут идти быстро и далеко, нас сразу узнают!”. И эта соседка, незнакомая в предыдущее мгновение, вдруг перестает быть просто соседкой, она становится тем великим, величественным, что Евангелие называет “ближним”, самым близким, настолько, что никого нет столь же близкого; эта женщина становится ближней для матери и говорит: “Вас не будут искать – я останусь здесь вместо вас...” И мать возражает: “Но вас расстреляют!” – “Да, – отвечает та, – но у меня нет детей”. И мать с детьми уходит, но перед тем задает ей вопрос: “Как тебя зовут?” И все что нам известно о ней, о ее прошлом, о ее конкретной реальности – это ее имя: Наталья.

Я это передал вам не просто как рассказ, хотя он очень точно иллюстрирует, что такое акт заступничества, а не просто заступническая речь. Я не стану пытаться вообразить, что же происходило в эту ночь; я просто хотел бы провести некоторые параллели, которые, как мне кажется, допустимы.

Спускается ночь, осенняя ночь, все более холодная, сырая, окутывающая одиночеством; и эта молодая женщина, одна, отрезанная от всех, ничего не может ожидать ни от кого, кроме смерти, она стоит перед лицом надвигающейся смерти, смерти, которая никак ей не принадлежит; она молодая, она живая, и убить собирались не ее.

Вспомните Гефсиманский сад: там тоже в ночи, холодной, темной ночи, на расстоянии от друзей, которые от усталости и печали уснули, был Человек, тоже молодой, тридцати с небольшим лет, Который ожидал грядущей смерти, ждал, что будет убит за других, потому что Он согласился на смерть, чтобы человек, его друг, каждый отдельный человек: вы, я, и ты, и она, и мы, и они – чтобы все ушли из этой ночи, которая держала Его пленником. И мы знаем из Писания: Христос в этой ночи плакал перед Своим Отцом. Мы знаем Его ужас, знаем обращение к Отцу, знаем о кровавом поте, знаем, что в невыносимом одиночестве перед лицом грядущей смерти Он обратился к ученикам – все ли спят, нет ли хоть одного? – и остался один перед лицом собственной смерти, которая была чужой смертью: чужая, невозможная, бессмысленная смерть.

Вот первый образ: Наталья была в той же ситуации, никакой разницы, она была на месте Христа. Не раз, должно быть, Наталья подходила к двери, смотрела и думала: Достаточно открыть ее – и я уже не Зоя, я снова Наталья, мне не грозит смерть, никто меня не тронет... – но она не вышла.

Можно измерить этот страх, напряжение этого ужаса, если вспомнить двор у дома Каиафы: Петр – камень, Петр, крепкий ученик, сказавший Христу, что не отречется от Него, если и все отрекутся, что пойдет с Ним на смерть, – Петр оказывается лицом к лицу с молодой женщиной, служанкой, и достаточно этой служанке сказать ему: “И ты был с Ним...” – как Петр отвечает: “Нет, я не знаю этого человека...” – и отходит; и это повторяется, и еще раз он

клятвенно говорит, что не имеет ничего общего с осужденным; и после этого, обернувшись, встречается взором со Христом... Наталья тоже могла бы отречься и сказать: Нет, я не умру, я отказываюсь, выхожу на свободу – но она этого не сделала. Эта хрупкая женщина двадцати с небольшим лет сумела выстоять там, где вся человеческая крепость Петра оставила его.

К тому же, эта молодая женщина не раз, вероятно, спрашивала себя, не напрасно ли она умирает. Умереть ради того, чтобы спаслась эта женщина и ее дети – да! Но какая чудовищная, трагическая бессмыслица, если и их схватят, и ее расстреляют!.. вспомните человека, которого Священное Писание называет величайшим среди рожденными женами: Иоанна Крестителя. В конце жизни, также стоя перед лицом надвигающейся смерти, Иоанн Креститель посылает двоих своих учеников спросить у Христа: Ты ли Тот, Которого мы ожидали, или надо было ждать иного?.. Сколько трагизма в этой фразе, которая кажется важным вопросом для него, как и для нас, но вопросом столь трагичным для него. Он умрет; Он умрет, потому что был Предтечей и Пророком и Крестителем Христа, и перед лицом грядущей смерти вдруг охватывает его сомнение: не ошибся ли я? Что, если Тот, Кого я возвещал, еще не пришел, что, если Тот, о Ком я свидетельствовал от имени Бога – не Этот?.. Тогда бессмысленны все годы непосильного подвига в пустыне, и отречение от себя, ради которого Писание называет его "гласом вопиющего в пустыне", не пророком, говорящим от имени Божия, но голосом Божиим, звучащим через человека, который настолько отождествился с этим голосом, что уже неважно, Иоанн это или другой, говорит только Бог – и теперь эта грядущая смерть: если Иисус из Назарета – Тот, тогда все это имело смысл делать; но если это не Он, тогда Иоанн обманут Самим Богом...

И так же, как Наталья, окутанная в этой ночи молчанием и одиночеством, Пророк не получает никакого ответа, вернее, получает ответ Пророка: "Пойдите и скажите Иоанну, что вы видели – слепые прозревают, хромые ходят, нищие благовествуют; блажен, кто не соблазнится о Мне". В темнице, где его ждет смерть, он должен встать перед лицом всего своего прошлого и своего настоящего, всей своей смерти – в одиночестве, в державной ответственности человека во всем величии этого слова.

Наталья тоже не получила никакого ответа. Теперь-то я мог бы ей сказать, что Зоя спаслась, что детям уже за пятьдесят лет, многое мог бы сказать еще – теперь; но она этого никогда не узнала и в течение ночи была расстреляна.

Вот акт заступничества, вот что позволяет Наталье не в благочестивых речах, но всем своим существом воззвать: "Господи! Спаси их! Возьми мою жизнь, но отдай ее другим!" И действительно, эту жизнь они приняли, но не временную, не жалкую, кратковременную человеческую жизнь. Они получили от нее еще нечто. Вы помните то место у апостола Павла, где он говорит: *Уже не я живу, но живет во мне Христос...* Так вот, эта женщина и ее дети говорили мне: "Она умерла нашей смертью, и вот уже пятьдесят лет мы пытаемся жить ее жизнью, жить в меру Натальи..."

Бог мог бы поставить нам вопрос – и вопрос этот был бы таков: Ты, обвиняющий Меня в том, что Меня нет, – где ты сам? Стоишь ли ты вне трагедии, глядя на нее со стороны и восклицая: Бога нет, где же Он, куда Он смотрит?.. Или ты там, в сердцевине трагедии?.. Если бы ты был там (мог бы сказать Господь), люди увидели бы, что там – Я, потому что ты – частица, живой член Моего Тела, частица всецелого Христа. Твое присутствие было бы Моим присутствием. Твое отсутствие заслоняет Мое реальное присутствие. Твое место – в сердцевине трагедии, и если бы ты стоял там, ты сумел бы молиться. Ты не молишься, ты не в состоянии молиться, потому что тебя там нет. Ты не в состоянии молиться Господу бури, и поэтому создаешь себе ложный покой и ложную успокоенность...

Вот в чем вся проблема: в той ситуации, где мы находимся, в Истории, как и в нашей частной жизни, мы обвиняем Бога! Бог нас не обвиняет, но лишь с грустью задает нам вопрос: Где ты?.. Быть может, вы помните роман польского писателя, который, правда, скорее известен моему поколению, чем более молодым людям, "Quo vadis?", "Камо грядеши?" Это история из времен самого первого гонения. Спасаясь от него, Петр уходит из Рима; у городских ворот он встречает Христа и спрашивает Его: Quo vadis, Domine? Куда идешь, Господи?.. И Христос

отвечает: Иду в Рим умереть с Моими братьями, потому что ты их оставил... Вот как ставит нам вопрос Господь.

Заступничество – да, реальность, молитва – реальность, но она реальность только тогда, когда является ответственной, вовлеченной позицией, "ангажированностью". Мы все время говорим о вовлеченности: политической, общественной, всевозможной, но сами мы безответственны; мы то включаемся ответственно, то безответственно отходим; включаемся на время, как можно наняться на какой-то срок! А затем, когда мы устали страдать, мы говорим тому, кто в сердцевине страдания: Продолжай, а я отдохну; когда усталость пройдет, я вернусь поддержать тебя... Бог так не поступает!

Я хотел бы дать вам еще один пример. Человек, которого я знал близко, который оказал на меня определенное влияние в молодости, во время немецкой оккупации был схвачен и отправлен в концентрационный лагерь. Он вернулся оттуда через четыре года. При первой встрече я спросил его: "Что вы вынесли из лагеря?" Он ответил: "Тревогу". Меня это поразило, потому что он был человеком крепкой веры, сильным человеком; и я переспросил: "Вы хотите сказать, что потеряли веру?" И он ответил: "Нет; но видишь ли, пока я был в лагере и подвергался жестокостям, насилию, я сознавал, что Бог дает мне власть прощать. В любое мгновение я мог сказать: Господи, прости! они не знают, что творят... В любое мгновение я мог сказать: Господи, Тебе больше нечего взыскать с них, я простил им в Твое имя. А теперь я на свободе; те, кто нас так мучил, когда-то встанут перед судом Божиим, и я хотел бы всем существом воззвать к Богу: "Прости!" Но как Он может мне верить? Я больше не страдаю..."

Вот человек зрелый, не герой, он был человек жесткий, трудный, тяжелый, от которого нельзя было ожидать каких-то мистических порывов. Он сумел молиться, потому что был в сердцевине драмы. Мы не в состоянии молиться – мы на берегу моря и просим Бога спасти тонущую лодочку. Если бы нам хватило мужества самим взяться за дело, мы сумели бы молиться, мы были бы там же, где наш Ходатай, Первосвященник всей твари, Христос. Наше призвание в этом.

Может быть, вы мне скажете, что образы, которые я выбрал, слишком велики для нас. Разумеется, кто из нас подобен Наталье или этому человеку, о котором я говорил, кто из нас действительно в меру образа Христова! Но если мы не таковы, значит, мы неверны своему призванию, потому что мы призваны быть живыми членами Тела Христова. Патриарх Алексей Московский (Симанский; ©1970 – *Ред.*) как-то в ответ на вопрос, почему в России не борются за большую свободу для Церкви в советском обществе, ответил: Потому что Церковь – не бюро пропаганды, Церковь – Тело Христово, ломимое за спасение своих гонителей...

Мы – это Тело, либо мы изменники. Иного выбора нет. Мы должны быть присутствием Христа, по примеру Натальи, по примеру этого человека – в малом и в великом, все равно. Когда кто-то унижает вас и вы не в состоянии простить, когда кто-то вас обидел, и вы не можете простить, когда у вас напряженные отношения в той небольшой человеческой среде, которая вас окружает, и вы не умеете разрядить это напряжение – здесь-то и начинается проблема заступничества, и здесь же она разрешается.

Мы никогда не сможем молиться, кроме как под воздействием Святого Духа, храмами Которого мы призваны быть, и не только местом вселения, но откровением, проявлением, сиянием Его в мире.

Наше призвание – стать *причастниками Божественной природы*, – (это слова апостола Петра из его послания), стать не просто вообще детьми Божиими, но, по слову святого Иринея Лионского, в Единородном Сыне, в Котором мы, действием Духа Святого, едины, стать *единородным сыном Божиим*.

У нас нет выбора; либо мы принимаем свое христианское призвание, либо мы должны его отвергнуться. В таком случае, наберитесь мужества – наберемся мужества! – ставить Бога под вопрос и понять, где Его место и что Он такое. И будем готовы, что Бог может поставить нас под вопрос, и признаем собственную трусость, свое предательство, свое отсутствие. И изнутри этой ситуации, где Бог окажется оправданным в наших глазах, а мы окажемся осужденными, мы найдем, в акте покаяния, путь к соединению с Ним, и тогда сможем вознести

свой голос, воздеть руки, устремиться душой к Богу в заступническом действии по образу Христа, а не в порыве, который будто стремится противостоять “несправедливости” Божией – что мы так часто пытаемся сделать.